

Великий князь Александр Александрович и Александр II

Василий Астанков

Характеризуя взаимоотношения цесаревича Александра Александровича и Александра II, исследователи зачастую склонны заострять противоречия между царём-реформатором и его наследником. Ещё в ранней советской историографии усматривалось большое различие в их характерах и воспитании. Н.Н. Фирсов, по-видимому, первый из исследователей, кто после революции обратился к изучению личных бумаг Александра III, иронично писал, что Александр Александрович, «как подобает “наследнику”», одно время недовольный своим “папа”; находился как бы в оппозиции правительству отца, а в обществе возбудил неосновательные надежды». Император же будто бы третируя своего сына, не доверяя его умственным способностям и не слишком торопясь приобщить его к важным государственным делам¹. Ю.В. Готье на основании анализа переписки цесаревича с К.П. Победоносцевым даже сделал вывод о враждебности, якобы возникшей между наследником престола и императором и только усиливавшейся с годами. По мнению Готье, «Александр II был очень плохим отцом и воспитателем» и, как «слабый человек и правитель», ревниво относился к своей власти. Между тем «развивавшиеся не без влияния Победоносцева национально-славянофильские симпатии Александра (цесаревича. – В.А.) будили в нём критическое чувство к управлению отца, особенно в некоторых вопросах политики внешней и окраинной». «Враждебности», полагал он, немало способствовали и семейные неурядицы, связанные с отношениями императора и княжны Е.М. Долгоруковой². Схожие оценки высказывали впоследствии Б.В. Ананьич и Р.Ш. Ганелин³. В.Г. Чернуха считает, что уже во второй половине 1860-х гг. вел. кн. Александр Александрович представлял некую «оппозицию справа», которая, в отличие от «аристократической партии», имела сугубо идеологический и националистический характер. Конечно, открыто спорить с отцом или противодействовать ему наследник не мог, однако «уж слишком часто они оказывались в противоположных лагерях»⁴.

Критическое отношение наследника престола к реформам 1860–1870-х гг. В.А. Твардовская связывает прежде всего с влиянием на него К.П. Победоносцева и статей М.Н. Каткова. В то же время, исследовательница полагает, что несмотря на тяжёлые семейные переживания, «воспитанный в патриархальном духе» цесаревич «чтил отца, не смея осуждать его открыто», и в целом их личные отношения оставались доброжелательными⁵. И.Е. Дронов, изучая взгляды кн. В.П. Мещерского и его влияние на вел. кн. Александра Александровича, признаёт, что цесаревич разделял

© 2013 г. В.А. Астанков

¹ *Фирсов Н.Н.* Александр III. Личная характеристика частью по его неизданным дневникам // *Былое*. 1925. № 1(29). С. 87, 88–90.

² *Готье Ю.В.* К.П. Победоносцев и наследник Александр Александрович. 1865–1881 // *К.П. Победоносцев: pro et contra*. СПб., 1996. С. 464–465.

³ *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Александр II и наследник накануне 1 марта 1881 г. // *Исторический опыт русского народа и современность*. Кн. 2: Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 204–213.

⁴ *Чернуха В.Г.* Александр III // *Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма*. СПб., 2001. С. 14–15.

⁵ *Твардовская В.А.* Александр III // *Российские самодержцы*. М., 1993. С. 220, 226–227, 229.

господствовавшее в «кружке Мещерского» критическое отношение к правительственному курсу и этим невольно вызывал у императора подозрения в «оппозиционности»⁶. Впрочем, по убеждению автора, центром «русской партии» он стать не мог в силу своего зависимого положения и незрелости. А.С. Карцов указывает на то, что «особый политический образ мыслей» цесаревича превратно истолковывался «шуваловской партией», в то время как «Александр II ревниво оберегал свои prerogatives от покушений, мерещившихся ему со стороны престолонаследника»⁷. «Оппозиционность» и антипруская позиция вел. кн. Александра Александровича, а также влияние на него кн. Мещерского и «национальной партии» отмечались и исследователями, изучавшими отношение русского общества к Франко-прусской войне 1870–1871 гг.⁸ Р.С. Уортман, рассматривая «сценарий власти» Александра III и уделяя большое внимание «формированию русского царя», констатирует как значение семейных ценностей и религиозной веры в жизни цесаревича, так и его «чувство враждебности к отцу с его западной фривольностью»⁹. Особое значение он придаёт разногласиям между императором и наследником престола в вопросах национальной и внешней политики.

Между тем, как ни странно, при освещении взаимоотношений цесаревича Александра Александровича и Александра II исследователями до сих пор почти не анализировалась их переписка, явно недостаточно изучен и личный дневник наследника престола. Однако без этих материалов нельзя разобраться ни в его «чувствах», ни в восприятии им внутренней и внешней политики 1860–1870-х гг.

Об отношениях Александра II и вел. кн. Александра Александровича до 1865 г. известно сравнительно немного. Спустя много лет Александр III, вспоминая про огромное влияние матери на его с братьями воспитание, писал жене, что «Папа мы очень любили и уважали, но он по роду своих занятий и заваленный работой не мог нами столько заниматься, как милая, дорогая Мама»¹⁰. Современники отмечали, что Александр Александрович пользовался даже большим «сочувствием» отца, чем старший брат, который был любимцем матери¹¹. Сохранились сведения о ревливой предвзятости императрицы Марии Александровны ко второму сыну в то время; в узком кругу великие князья Александр и Владимир Александровичи делились довольно безрадостными воспоминаниями о своих детских годах и равнодушии родителей¹². В 1867 г. А.А. Половцов отмечал в дневнике, что «при жизни старшего его брата покойного великого князя Николая Александровича воспитание Александра Александровича было очень пренебрежено; его считали менее одарённым и, имея пред глазами опыт великого князя Константина Николаевича, считающего себя умнее и образованнее царствующего брата, направили занятия великого князя Александра Александровича преимуще-

⁶ Дронов И.Е. Консервативный проект для России: общественно-политические идеи князя В.П. Мещерского. М., 2009. С. 30–36; он же. Кружок князя В.П. Мещерского 1865–1871 гг. // Вестник Московского университета. Сер. 8: «История». 2001. № 3. С. 71–87.

⁷ Карцов А.С. Русский консерватизм второй половины XIX – начала XX в. (князь В.П. Мещерский). СПб., 2004. С. 334–335.

⁸ Куниский С.Д. Русское общество и Парижская коммуна: отклики в России на Франко-прусскую войну и Парижскую коммуны. М., 1962. С. 27–31; Манфред А.З. Традиции дружбы и сотрудничества. Из истории русско-французских и советско-французских связей. М., 1967. С. 37–38; Оболенская С.В. Франко-пруская война и общественное мнение Германии и России. М., 1977. С. 155–160.

⁹ Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. М., 2004. С. 249–250, 268.

¹⁰ Император Александр III и императрица Мария Фёдоровна. Переписка. 1884–1894 годы. М., 2001. С. 102.

¹¹ Мещерский В.П. Мои воспоминания. М., 2003. С. 214; Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001. С. 418.

¹² Из дневника А.А. Половцова (1877–1878 гг.) // Красный архив. 1929. Т. 2(33). С. 187; Мемуары графа С.Д. Шереметева. С. 417–418. См. также: Уортман Р.С. Указ. соч. С. 230–232, 238.

ственно на военное дело»¹³. О том же писал впоследствии в своих мемуарах и граф С.Д. Шереметев¹⁴. А князь Н.А. Орлов ещё 21 июля 1865 г. сообщал новому наследнику престола, что «все реакционеры возлагают на Вас большие надежды»: «Думают, что Вы страшный охотник до разводов и учений, и что поэтому Вы бросите всё остальное»¹⁵.

Переписка императора с вел. кн. Александром Александровичем до 1865 г. не отличается особой содержательностью. Великий князь писал в основном о повседневных бытовых эпизодах, царь также избегал обсуждать серьёзные вопросы. Он сетовал на ребячливое отношение 16-летнего сына к учебным занятиям и напоминал ему о долге «быть со временем полезным дорогомому нашему Отечеству». При этом отец с огорчением упоминал о «глухих и детских отговорках» Александра Александровича, которые «только доказывают, что с тобою ещё нельзя обращаться как со всяким другим юношею в твои лета»¹⁶. Однако буквально за несколько дней до кончины цесаревича Николая Александровича Половцов писал в дневнике, что несмотря на неподготовленность вел. кн. Александра Александровича «к ожидающим его великим занятиям» и отсутствие у него склонности к серьёзным трудам, «Государь чрезвычайно его любит и даже балует». «На днях, – сообщал он, – граф Перовский, заведывающий воспитанием великого князя Александра Александровича, жаловался Государю на то, что воспитанник его груб с своими преподавателями. Государь шутиливо взял его за ухо и поцеловал, сказав “Ах ты мой повеса!”»¹⁷.

Трагические события весны 1865 г. не могли не сказаться на взаимоотношениях Александра Александровича с отцом. Великому князю было тяжело привыкнуть к новому положению, перестав быть, по выражению кн. В.П. Мещерского, «философом школы равнодушных»¹⁸. Он без большой охоты приобщался к государственным делам, хотя император сразу же обязал его присутствовать на министерских докладах, с октября 1866 г. назначил членом Государственного совета, а два года спустя – включил в состав Комитета министров. После выстрела Каракозова цесаревичу приходилось считаться с тем, что он может в любой момент взойти на престол. После покушения на Александра II в Париже 25 мая 1867 г. он доверительно сообщал о своих переживаниях матери: «Прошлогоднее 4-го апреля и этот день никогда не выйдут у меня из памяти, это были ужасные испытания для моего бедного сердца. Уже 2 раза висела над моей головой страшная обязанность, и можешь себе представить, милая Ма, что я должен был перечувствовать в эти минуты... Папа говорил несколько раз, что если ему суждено предстать перед Господом, он готов, а я получаю всю ужасную обузу, которую хотел бы отдалить, сколько возможно, от меня»¹⁹.

Трудно сказать, читал ли Александр II это письмо, но спустя несколько месяцев, в конце августа 1867 г., он писал сыну, отдохнувшему с женой в Дании: «Желаю только, чтобы ты почаще и серьезнее думал о твоём будущем призвании и готовил себя меня заступить ежеминутно, не забывая 4-ое апреля и 25-ое мая, где рука Всевышнего отстранила ещё на время от тебя ту страшную обузу, которая тебя ожидает, и на которую и я иначе не смотрю, как на крест, который по воле Божией нам суждено носить на этом свете»²⁰. Соглашаясь прожить отдых наследника престола в Дании, император «предварял» сына и невестку: «Подобные долгие пребывания ваши за границею *не должны*

¹³ ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 7, л. 24 об.

¹⁴ Мемуары графа С.Д. Шереметева. С. 417–418.

¹⁵ ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 944, л. 7 об.

¹⁶ Там же, д. 669, л. 26, 33–33 об. О воспитании вел. кн. Александра Александровича см.: Из дневника Н.П. Литвинова 1861–1862 гг. // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. 445–536.

¹⁷ ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 4, л. 79.

¹⁸ Мещерский В.П. Письма к великому князю Александру Александровичу 1863–1868. М., 2011. С. 114, 118.

¹⁹ ГА РФ, ф. 641, оп. 1, д. 115, л. 78–78 об.

²⁰ Там же, ф. 677, оп. 1, д. 669, л. 87–87 об. Здесь и далее курсивом выделены слова, подчеркнутые в подлиннике.

впредь часто повторяться; в России оно крепко не нравится, а вы оба принадлежите ей и должны помнить, что вся жизнь ваша должна быть посвящена вашему долгу, т.е. службе России»²¹. Однако цесаревич не желал подчинять свою личную жизнь общественному мнению. «Я думаю, милый Па, – писал он в ответ, – что ты будешь совершенно согласен со мною, что жена должна мне быть так же дорога, как и матушка Россия, которую я люблю всею душою, и постараюсь ей служить, сколько у меня хватит силы и разума. Поэтому, милый Па, я решился, несмотря на то, что в России этого не любят, просить тебя позволить нам остаться здесь дольше только для моей душики жены, о которой я больше всего думаю на свете, и для которой я должен делать всё, что могу, чтобы она была здорова. Может быть, я и ошибаюсь, но это мой собственный взгляд»²². В июле 1868 г. кн. В.П. Мещерский упрекнул цесаревича: «Я слышал от многих, что 3-месячное пребывание в Дании наследника в первый же год его свадьбы оскорбило Россию. Казалось бы, что тут дурного, отдаться семейной радости и простому удовольствию семейной жизни; а между тем дурное то, что он совсем позабыл о себе как о наследнике и, следовательно, позабыл о России»²³.

Подобные недоразумения возникали и впоследствии. Император требовал подчинения частной жизни цесаревича государственным интересам и служебному долгу. Летом 1871 г. цесаревна попросила у Александра II, находившегося в Германии, позволить её мужу подольше остаться в остзейском курортном городке Гапсале и не ехать на военные учения в Красное Село. Императору пришлось подробно объяснять сыну причину своего отказа: «Наш долг есть служба России, и потому я не мог согласиться на её (цесаревны. – В.А.) желание продлить твоё пребывание с нею до 15-го июля. В 1852 г. я пробыл с Ма и с вами не две недели, как ты, в Гапсале, но всего, в два приёма, 6 дней, и должен был, как мне ни было тяжело, воротиться тоже один в лагерь к своему месту. На тебя все смотрят, как на меня тогда, и потому долг твой требует, чтобы ты служил примером для других, и зная тебя, я уверен, что ты это поймёшь, хотя вполне понимаю, что тебе должно быть и пусто, и скучно в Красном»²⁴. Цесаревич вынужден был подчиниться. «Что со мною происходило в эту минуту, я выразить не могу: тоска, грусть, отчаяние; – описывал он свои переживания в дневнике, уезжая в лагерь, – я должен был глотать слёзы, чтобы не рыдать как ребёнок, до того я был в отчаянии покинуть душуку жену, детей, милую нашу жизнь в Гапсале и всё, что хорошо и приятно было в этой скромной, но весёлой жизни»²⁵. Почти аналогичная ситуация повторилась год спустя, и тогда Александр Александрович всё-таки ухитрился не потерять ни одного дня, который можно было бы провести с женой и детьми²⁶.

Александр II постоянно внушал сыну, что долг самодержца является «страшной обузой», которую нужно нести во что бы то ни стало. Ещё весной 1866 г., когда цесаревич, влюблённый в княжну М.Э. Мещерскую, сделал попытку отказаться не только от сватовства к датской принцессе Дагмаре, но и от престола, у императора в раздражении вырвалась фраза, которую наследник занёс в дневник: «Что ж ты думаешь, что я по своей охоте на этом месте, разве так ты должен смотреть на своё призвание?»²⁷ Обосновывая свои требования, император ссылаясь на авторитет Николая I, настаивавшего на том, что каждая минута жизни наследника престола «должна быть посвящена матушке России»²⁸. Кавказский наместник вел. кн. Михаил Николаевич, призывая племянника серьёзнее относиться к делам, также напоминал ему слова своего отца о том, что великие князья должны стараться «оправдывать своё происхождение»²⁹. «Жду с

²¹ Там же, л. 87 об. В подлиннике слово «ей» подчёркнуто несколько раз.

²² Там же, ф. 678, оп. 1, д. 729, л. 155 об.–156.

²³ Мещерский В.П. Письма к великому князю... С. 481.

²⁴ ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 669, л. 123.

²⁵ Там же, д. 304, с. 254–255.

²⁶ Там же, д. 305, с. 131, 150–152.

²⁷ Там же, д. 299, с. 80.

²⁸ Там же, д. 669, л. 40, 41 об.

²⁹ Там же, д. 902, л. 28 об.–29.

нетерпением той минуты, – писал Михаил Николаевич 26 сентября 1867 г., – когда ты в состоянии будешь облегчать труды твоего отца, как он это делал в отношении Ан-Папа (императора Николая I. – *В.А.*); это и для тебя самого будет в высшей степени полезно, ибо исподволь подготовит тебя к огромному труду и ответственности, которые тебе суждено когда-нибудь принять на твои собственные плечи! Но для того чтобы быть в состоянии исполнить это важнейшее назначение твоей жизни, надо тебе самому, Саша, много ещё работать, готовиться, думать и стараться и не терять ни минуты, ибо время дорого»³⁰. Ответ цесаревича выдавал его растерянность: «То, что ты пишешь о моей помощи в работах Папа, я сам этого желаю очень и конечно же с удовольствием принялся бы работать для него, если бы знал наверно, что могу ему помогать. Но вопрос в том, в чём именно я могу помочь Папа, так как я уверен, что если я буду заниматься частью дел, всё-таки у Папа работы не уменьшится, и поэтому я боюсь, что всё равно Папа не будет легче от этого»³¹. Пассивность и неумелость вел. кн. Александра Александровича вызвала упреки со стороны его окружения. «Вы не прилагаете достаточных усилий для того, чтобы установить с Государем те отношения, от которых будет зависеть вся Ваша будущая деятельность, – писал ему кн. В.П. Мещерский летом 1868 г. – Вы не пытаетесь в полной мере побороть чувство, которое однажды укоренилось в Вас, и Вы, по правде говоря, не прилагаете усилий, чтобы вытеснить его чем-нибудь более приемлемым и естественным»³². «Может быть, это и правда, – возражал ему великий князь, – но Вы знаете, как это трудно, когда нет взаимного желания сблизиться. Если не нежелание, то, по крайней мере, равнодушие. Я жду, когда оно придёт само собою, а иначе трудно сделать что-нибудь»³³.

Летом 1868 г. Александр II, отправившись на лечение в Европу, впервые передал управление империей своему 23-летнему сыну. Александр Александрович получил возможность на собственном опыте убедиться не только в сложности решения государственных вопросов, но и в крайней бюрократизации правительственного аппарата. «Тебе, вероятно, известно, – сообщал он вел. кн. Михаилу Николаевичу, – что мне поручено в отсутствие Папа заниматься всеми текущими делами, чему я очень рад, потому что даёт занятие, а кроме того набиваешь себе практику обращаться с бумагами и видишь, сколько глупостей приходится читать бедному Папа, и отымает только лишнее время. Право, иногда смешно становится, какую мелочь приносят Государю, и всё это требует его разрешения. Невольно спрашиваешь себя, как можно было дойти до этого и отчего это произошло?»³⁴

Со временем цесаревич всё чаще пытался выступать в качестве ближайшего помощника своего отца, способного говорить с ним правдиво и нелицеприятно. Так, летом 1868 г. он выступил против выдачи Министерством финансов концессии на строительство Харьковско-Кременчугской железной дороги и потребовал пересмотреть это дело, уже утверждённое Александром II, в Комитете министров. Резко критикуя действия министерства и обличая «нечистые дела», вел. кн. Александр Александрович 2 августа 1868 г. писал отцу: «это мой долг, и в этом пока состоит моя служба тебе и отечеству, и если только ты мне позволишь раз навсегда писать и говорить тебе истинную правду постоянно, то я буду счастлив как никогда»³⁵. Александр II с пониманием отнёсся к искреннему порыву неискущённого ещё в делах сына, однако рекомендовал ему опасаться корыстных влияний недобросовестных лиц: «Что они стараются доводить до тебя свои жалобы и неудовольствие в надежде сделать из тебя их ходатая передо мною, меня не удивляет, – писал император, – ибо они знают твоё тёплое сердце и желание стоять за правое и полезное дело, но при твоей неопытности в делах и малом знании

³⁰ Там же, л. 23 об.–24.

³¹ Там же, ф. 728, оп. 1, д. 2743а, л. 24–24 об.

³² Oxford Slavonic Papers. Vol. 11. 1964. P. 107.

³³ Ibid.

³⁴ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 2743а, л. 35–35 об.

³⁵ Там же, ф. 678, оп. 1, д. 729, л. 174.

людей и тех скрытых пружин, которые большею частью заставляют действовать на этом свете, тебе должно быть вдвойне осторожным, *не относительно меня*, перед которым обязанность твоя говорить вещи, *как ты их понимаешь*, даже когда ты и ошибаешься, но относительно *тебя окружающих*, и в особенности *тогда, когда тебе уже известно, что дело мною решено*, может быть и вопреки твоего собственного мнения. Так и я действовал при Ан-Папа. Он так же никогда не гневался на меня, как я на тебя, за откровенное изложение моего мнения, но я вправе надеяться на тебя в поддержке тех дел, которые разрешены»³⁶.

В конце 1868 – начале 1869 г. цесаревич вступил в острый конфликт с Главным артиллерийским управлением, занимавшимся тогда оснащением русской армии новым типом винтовок с металлическим патроном³⁷. Наследник престола упорно отстаивал приглянувшуюся ему модель винтовки в письмах и личных беседах с императором и на докладах военного министра³⁸. Поначалу Александр II готов был его поддержать, но затем принял доводы военного ведомства. Цесаревич же воспринял это как «моральную пощёчину», приписав свою неудачу невозможности откровенно поговорить обо всём с отцом и воспрепятствовать влиянию недобросовестных, по его мнению, администраторов – Д.А. Милютин и А.А. Баранцова. В конце концов Александр II указал сыну на то, что он «слишком пристрастен в этом деле», а ему «теперь нет времени» спорить. «Таким образом, – жаловался вел. кн. Александр Александрович в дневнике, – я не успел даже ни одного слова выговорить не только в моё оправдание, но даже для разъяснения некоторых вещей, и должен был выйти. Это меня страшно огорчило и даже оскорбило, потому что я могу перед Богом отвечать, что не гордость вела меня к тому, чтобы помочь бедственному положению, в котором мы находились в вооружении нашей армии, а единственное желание выйти из этого грустного положения, в которое нас поставила администрация Артиллерийского ведомства. Я желал пользы нашей армии, нашему отечеству, а нашлись, видно, люди, чтобы истолковать Папа в противном действии мои желания и мои действия. Мне тем более грустно, потому что это не раз, а почти на всяком шагу оказывают полное недоверие, которое всё больше и больше мне становится тяжелее, потому что это незаслуженно с моей стороны, я могу это заявить всем и не побоюсь сказать неправды. Что ещё грустнее, это то, что я мог бы всё поправить разговорами с Папа, а мне это никогда не удаётся, и мне решительно не хотят дать случая оправдаться. Грустно, очень грустно и даже обидно, но меня это вовсе не останавливает на моём пути к добру, пользе и правде, авось отыщется один хоть человек на родине, который отдаст мне справедливость и не помянет меня лихом. *Да будет воля Твоя, Господи!*»³⁹.

Наследник престола болезненно переживал чувство незаслуженного недоверия. «Стоит ли после этого хлопотать и из кожи лезть, – писал он в феврале 1869 г. кн. Мещерскому по поводу ружейного дела, – когда Вам не показывают никакого доверия; вот это самое грустное»⁴⁰. Предвидя подобные разочарования, князь ещё в декабре 1867 г. призывал его не отступать перед трудностями, помня, что на наследника престола «самим Богом возложена обязанность не щадить своих личных интересов во имя пользы и правды»: «Вспомните, что Вы воин жизни, призванный к борьбе до последней её минуты. Чем более препятствий, тем неутомимей должна быть Ваша деятельность»⁴¹.

³⁶ Там же, ф. 677, оп. 1, д. 669, л. 98 об.–99.

³⁷ Подробнее см.: *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX в. М., 1973. С. 300–303; *Зайончковский П.А.* Военные реформы 1860–1870 гг. в России. М., 1952. С. 169–170, 174; *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868–1873. М., 2006. С. 130–134, 154–164.

³⁸ См. записи об этом в дневнике Александра Александровича в январе–марте 1869 г.: ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 302, с. 201, 204, 223–224, 253, и письма к отцу от 24 февраля, 9 и 11 марта 1869 г.: Там же, ф. 678, оп. 1, д. 729, л. 185–187 об.

³⁹ ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 302, с. 259–260.

⁴⁰ Oxford Slavonic Papers. Vol. 10. 1962. P. 116.

⁴¹ *Мещерский В.П.* Письма к великому князю... С. 391–392.

Молодому, часто необузданному и запальчивому вел. кн. Александру Александровичу, искренне желавшему принести пользу, трудно было достичь взаимопонимания с более уравновешенным и опытным в государственных вопросах Александром II. Цесаревич склонен был объяснять это корыстными кознями приближённых отца и его нерешительностью. Однако существовали и объективные обстоятельства, затруднявшие общение императора и наследника престола. «И иногда это бывает очень тяжело – не иметь возможности переговорить, – писал вел. кн. Александр Александрович матери в 1875 г., – но мне это очень трудно, потому что Папа сам не заговаривает со мной, чтобы значительно облегчить мне. Потом я вижу с Папа один только между докладами министров и самое короткое время, и, кроме того, Папа всегда в это время торопится кончить свои дела, и положительно о деле в это время не стоит и невозможно говорить. Если же я вижу с Папа в продолжении дня, то это всегда бывает при посторонних и, конечно, о вещах серьёзно говорить нельзя. Я часто в подобных случаях обращался к письму, но в письме опять и половины не скажешь, так что положительно это вовсе не так легко, как казалось бы на первый раз!»⁴²

Эти особенности личных отношений императора и наследника престола, безусловно, отражались и на их взаимодействии в государственных делах. Не без влияния своего окружения (и, прежде всего, кн. Мещерского и Победоносцева) вел. кн. Александр Александрович весьма неприязненно относился к графу П.А. Шувалову, назначенному в апреле 1866 г. шефом жандармов и ставшему вскоре одним из наиболее влиятельных сановников. Страницы дневника цесаревича «шуваловского времени»⁴³, особенно 1866–1868 годов, пестрят крайне нелицеприятными отзывами о «грустных фактах владычества Шувалова» (как выразился он в письме к А.Ф. Аксаковой в марте 1867 г.⁴⁴). Для «русской партии», с которой солидаризировался и наследник престола, гр. Шувалов и его сторонники являлись олицетворением «петербургского космополитизма», попиравшего «национальные интересы» на окраинах, искажавшего внутреннее устройство России⁴⁵ и преследовавшего печать, выражавшую «русскую» точку зрения⁴⁶. В одном из писем 1866 г. Мещерский даже несколько защищал П.А. Валуева, противопоставляя его гр. Шувалову. Валуев, утверждал он, в отличие от шефа жандармов «не интригует, не подкапывается и не внушает Государю недоверие к всякому проявлению разумно либеральных стремлений здравой части общества на Руси!»⁴⁷.

Самого гр. Шувалова, якобы прочно опутавшего императора своими «сплетнями и выдумками», Александр Александрович, как и многие в то время, презрительно именовал «временщиком» и «Петром IV». Осенью 1867 г. он мимоходом заметил в дневнике, что шеф жандармов «теперь таскается повсюду за Папа и даже на охоте не даёт ему покоя»⁴⁸. При этом на цесаревича влияли не только письма кн. Мещерского, который утверждал, что «Шувалов отдаляет от Государя людей честных и чернит их из подлого замысла властолюбия»⁴⁹, но и статьи герценовского «Колокола», номера которого он получил в марте 1867 г. от своего постоянного корреспондента кн. Н.А. Орлова (в то время – посланника в Бельгии). Обнаружив в них «очень интересное» «Письмо из Петербурга», в котором, «разбирают всех министров и высших особ», цесаревич, судя по записи в его дневнике «с большим интересом начал читать это письмо»⁵⁰. В нём анонимный автор (кн. П.В. Долгоруков)⁵¹ подробно разбирал происходившую будто

⁴² ГА РФ, ф. 641, оп. 1, д. 115, л. 195–196.

⁴³ Там же, ф. 677, оп. 1, д. 300, с. 129.

⁴⁴ Там же, д. 638, л. 2.

⁴⁵ Подробнее см.: Дронов И.Е. Кругок князя В.П. Мещерского... С. 71–87.

⁴⁶ ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 300, с. 129.

⁴⁷ Мещерский В.П. Письма к великому князю... С. 207.

⁴⁸ ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 301, с. 108–109.

⁴⁹ Мещерский В.П. Письма к великому князю... С. 213.

⁵⁰ ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 300, с. 114.

⁵¹ «Колокол»: газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Факсимильное издание. Вып. XI. М., 1962. С. 26, 73.

бы в Петербурге борьбу между партиями «ретроградов», «константиновцев», «конституционистов» и «олигархов», уделяя особое внимание притеснению земств, усилению цензуры и якобы безраздельному «царствованию» и «нахальству» (какого «не бывало со времён Аракчеева») шефа жандармов и его приверженцев – «ретроградов», «с соболезнованием взирающих на все реформы»⁵².

Отношение наследника к Шувалову не составляло секрета для публики. «Полновластие Шувалова безгранично, – записал в дневнике Половцов 19 января 1867 г., – его называют не Петром Андреевичем, а Алексеем Андреевичем (Аракчеев). Наследник его очень не любит; недавно он снимал свой портрет у Левицкого, спускаясь с лестницы, ведущей из мастерской, он увидал внизу ожидавшего своей очереди Шувалова; в ту же минуту наследник вернулся наверх и просил дать ему средство уйти каким бы ни было образом, только чтобы избежать встречи с Шуваловым»⁵³. 28 марта 1867 г. Мещерский «умолял» вел. кн. Александра Александровича избегать всего, «что может служить поводом Вас обвинять в слишком резком проявлении Вашего образа мыслей политического и Ваших воззрений на современное, как бы грустно оно ни было!». «От такой резкости в суждениях, которая неизбежно доходит до Государя, мало-помалу в отношениях будет холодность и неискренность..., – предостерегал князь, находившийся тогда в Твери. – Даже здесь я слышал отголоски, приписывающие Вам значение главы оппозиции... Прежде всего Вам нужна осторожность – самая полная и постоянная: не говорите при людях о том, что Вы думаете, но, крепкий правдою и любовью к Государю, привыкайте мало-помалу высказывать правду, как она есть, но так, чтобы, кроме Вас и жены Вашей, никто об этом не знал!»⁵⁴. В августе 1867 г. кн. Мещерский в письме к цесаревичу вновь сетовал на «то фальшивое положение, которое Вам сделали комментаторы Ваших иногда неосторожно высказываемых суждений»⁵⁵, и сообщил про «толки о том, что Вы заставляете себя предполагать во главе самых резких обличителей многого, что у нас делается»: «На Вас ссылаются как на представителя недовольных настоящим порядком вещей и положению Вашему дают уже значение политической роли»⁵⁶.

Демонстративная неприязнь цесаревича к лицам, занимавшим высокое официальное положение и уже в силу одного этого пользовавшимся доверием императора, действительно вызывала недовольство у Александра II. Ещё в начале 1866 г. вел. кн. Александр Александрович получил от отца «довольно строгий выговор» за отказ пригласить к обеду либерального министра народного просвещения А.В. Головнина (в дневнике наследник престола называл его не иначе, как «скотом» и «свиньёй», жирно подчеркивая эти слова). Судя по записи, тогда же сделанной великим князем, император заявил ему, что он «слишком молод, чтобы судить о людях», и «должен уважать должность министра, и хотя личность мне не нравится, но так как оно поставлено Государем, то я не должен ничего против него делать явно»⁵⁷. Однако наследнику престола трудно было смириться. В марте 1867 г. его отношения с отцом вновь осложнились из-за того, что в письме к А.Ф. Аксаковой (урождённой Тютчевой, жене И.С. Аксакова) он позволил себе осудить действия правительства⁵⁸. Письмо, отправленное обычной

⁵² Колокол. 1867. № 235–236. 1 марта. С. 1917–1923; № 237. 15 марта. С. 1933–1937.

⁵³ ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 7, л. 3 об.

⁵⁴ Мещерский В.П. Письма к великому князю... С. 253–254.

⁵⁵ Там же. С. 360.

⁵⁶ Там же. С. 359.

⁵⁷ ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 298, л. 147.

⁵⁸ «Извините, любезная Анна Фёдоровна, за мои резкие выражения, – писал цесаревич, – но Вы меня знали ещё почти маленьким мальчиком, теперь я во многом переменялся и многое вижу лучше, чем видят те, которые должны бы видеть лучше меня. Но, что делать, если они не видят, не я судья им, а Бог. Теперь, в последнее время и в особенности после моей свадьбы, когда я переехал в свой дом, живу с женой, которая тоже очень интересуется всем, что делается в России, я переменялся и далеко отстал от образа мыслей при Дворе. Я вижу больше людей, больше разговариваю, и это всё меня подвинуло вперёд, я часто вижу с К.П. Победоносцевым, с которым занимаюсь и много разговариваю про теперешние события» (Там же, д. 638, л. 2).

почтой в Москву, было перлюстрировано и в копии представлено гр. Шувалову, который, очевидно, и доложил о нём императору⁵⁹.

Впрочем, при всей своей плохо скрываемой враждебности к «шуваловской партии», за 8 лет пребывания гр. Шувалова на посту шефа жандармов вел. кн. Александр Александрович, пожалуй, лишь единственный раз открыто выступил против него и его предложений. 21 декабря 1873 г. на заседании Совета министров гр. Шувалов и его сторонники потребовали передать в ведение губернских и уездных предводителей дворянства надзор за народными школами⁶⁰. Тут же был прочитан проект рескрипта, предreshавший основные начала будущего закона. После того, как прозвучал ряд возражений против намеченной меры, Александр II, по свидетельству Д.А. Милютинна, «обернулся к наследнику цесаревичу и строгим тоном спросил его: “А ты – сочувствуешь ли предлагаемой мере?” Наследник вовсе не был готов к такому вопросу; никогда ещё не случалось в прежних заседаниях Совета, чтобы Государь спрашивал его мнение. С некоторым смущением, но довольно решительно наследник ответил: “Нет, не сочувствую...” Тогда Государь грозно сказал ему: “А я одобряю предложенную меру и считаю её необходимой. Я делаю это не столько для себя, сколько для тебя и для твоего сына, для будущего вашего спокойствия и безопасности”. Объявив затем своё окончательное решение, Государь встал, а мы все вышли из Совета молча, в грустном раздумье»⁶¹. Заседание Совета министров получило самый широкий резонанс в правительственных сферах. Про спор императора с наследником писали в своих дневниках вел. кн. Константин Николаевич, П.А. Валуев, кн. Д.А. Оболенский и А.А. Половцов⁶².

Сам вел. кн. Александр Александрович, не упоминая о размолвке с отцом, отметил в дневнике лишь то, что «был Совет министров у Папа по поводу народных школ и надзора за ними и, к сожалению, пришли к такому решению, которое меня очень огорчило как самое пустое предложение, и я даже писал потом об этом к Папа, но не знаю, какое впечатление произвело это на Папа. Конечно, во главе этого милого предложения стоят Шувалов, Толстой и Тимашев, как все принадлежат к одной клике и танцуют под дудочку Шувалова, и ещё надо причислить к ним дурачка Палена, который лает и поддакивает везде Шувалову»⁶³.

В письме к императору великий князь пытался как можно мягче изложить свою позицию, но категорически отказывался её изменить: «Прости мне, милый Па, что я пишу тебе, но позволь мне объяснить тебе, почему я не мог согласиться с предложением графа Шувалова. Его предложение было так неожиданно, и никому не было известно о том, что предполагается подобная мера, а этот вопрос слишком важен, чтобы решать его сейчас же, не обдумав, как это сделать, и как устроить, чтобы действительно подобная мера могла принести пользу». «Ведь мы решительно не знаем, – отмечал цесаревич, – насколько подобный надзор со стороны предводителей дворянства может принести пользу. И могут ли они кроме своих довольно обширных дел заниматься ещё надзором за народными школами. Было бы более чем грустно, если после по-

⁵⁹ По этому поводу 20 октября 1868 г. К.П. Победоносцев сообщал А.Ф. Аксаковой: «Чуть ли не с той поры, как Александр Александрович написал Вам известное письмо, прочитанное на дороге, надо мной тяготеет неопределённое, но незаслуженное подозрение» // Цит. по: *Готье Ю.В.* Указ, соч. С. 462–463; см. также: *Дронов И.Е.* Кружок князя В.П. Мещерского... С. 79–80.

⁶⁰ Подробнее об этом см.: *Воронин В.Е.* Русские правительственные либералы в борьбе против «аристократической партии»: (середина 60-х – середина 70-х гг. XIX в.). М., 2009. С. 316–327.

⁶¹ *Милютин Д.А.* Дневник. 1873–1875. М., 2008. С. 69–70.

⁶² ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 9, л. 22–22 об.; ф. 722, оп. 1, д. 105, л. 73–74; Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. М., 1961. С. 285–286; Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб., 2005. С. 344–346; *Милютин Д.А.* Дневник. 1873–1875. С. 69–70, 73, 259–267.

⁶³ ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 306, с. 49–50.

добного важного рескрипта ничего бы к лучшему не переменялось и осталось бы всё по-прежнему. Моё глубокое убеждение, что именем Государя нельзя так неосторожно распоряжаться, и вообще употреблять его как можно реже, а в настоящем деле – это положительно злоупотреблять им, и поэтому прости мне, милый Па, но я решительно не могу разделять мнение графа Шувалова и прочих, которые об этом, видно, иначе думают. Я совершенно разделяю мнение, которое, впрочем, я полагаю, и все разделяют, а именно, что необходимо принять самые энергические меры для остановки вредного влияния на народные школы лиц недоброжелательных, но как это сделать, это ещё вопрос, и вопрос очень важный, и надо уже принять меры действительные, а не такие, которые ещё подлежат большому сомнению. Прости мне, милый Па, это письмо, но я считаю своим долгом объяснить тебе мои сомнения, которые не успел высказать во время Совета, и что заставило меня не согласиться с предложением графа Шувалова, с которым я никогда не соглашусь, потому что это решительно против моей совести»⁶⁴. Тональность и содержание этого письма, наверное, лучше всего выражали характер и степень «оппозиционности» великого князя.

Известное беспокойство у императора вызывала и германофобия (или, точнее, «пруссофобия») наследника престола, женатого на датской принцессе и поддерживавшего самые тёплые родственные отношения с королевской семьёй Дании, которая после событий 1848–1864 гг. не могла не быть враждебной к Пруссии. Впрочем, неприязнь к немцам зародилась у вел. кн. Александра Александровича ещё в его детские и юношеские годы. По собственному признанию, он даже одного из своих воспитателей, Оттона Борисовича Рихтера с детства называл Дмитрием Борисовичем, объясняя это тем, что «мы с братьями очень не любили немцев и были недовольны назначением его нашим воспитателем и не хотели называть его Оттон»⁶⁵. Те же чувства, по-видимому, питал он и к дворянству Остзейского края. Во всяком случае, он с одобрением писал в дневнике про статью Ю.Ф. Самарина в «Москве» «против этих *поганных немцев*»⁶⁶. Побывавший в 1867 г. в Риге вскоре после проезда через город наследника с женой, император счёл нужным написать цесаревне: «Эти провинции, вопреки всему тому, что можно услышать от наших бешеных русофилов, могли бы стать для нас примером в том, *что касается чувства преданности монарху и его семье*, так что я ручаюсь, что Вы однажды научитесь их ценить так же, как я и мой отец. Я надеюсь, *что Вы последуете моим рекомендациям, несмотря на противоположное влияние, которое, как я знаю, существует даже в Вашем непосредственном окружении*»⁶⁷. Это письмо «очень огорчило» и вел. кн. Марию Фёдоровну, и вел. кн. Александра Александровича. «Я, по крайней мере, сделал всё возможное, чтобы быть как можно учтивее в Риге, – оправдывался он в письме к отцу. – Я слышал уже, что про нас говорили, что мы были неучтивы, и что замечено было наше неудовольствие быть в Риге»⁶⁸. Я могу смело сказать тебе, милый Па, что это совершенная ложь, и ты можешь быть уверен, что я себе никогда бы не позволил сделать что-нибудь подобное. Вообще, милый Па, ты можешь на меня положиться, что если я и допускаю говорить мне разные вещи, которые не следовало бы говорить, то это только для того, чтобы люди высказывались, и слышать обе стороны, а не то делается совершенно с односторонним взглядом и пристрастным к одной партии. Не думай, милый Па, чтобы это мне вредило, я никогда не позволю себе

⁶⁴ Там же, ф. 678, оп. 1, д. 729, л. 276–277 об.

⁶⁵ Воспоминания Н.А. Вельяминова об императоре Александре III // Российский архив. Вып. V. М., 1994. С. 272.

⁶⁶ ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 300, с. 129.

⁶⁷ Там же, ф. 642, оп. 1, д. 697, л. 35а об. Подлинник на французском языке.

⁶⁸ «Есть ещё фальшивые положения, – писал цесаревичу летом 1867 г. Мещерский, – из которых надо во что бы то ни стало выйти: это отношения Ваши к немцам и отношения к Пруссии... Я слышал из источников, заслуживающих веру, что Вы были при проезде чрез нашу неметчину (т.е. прибалтийские провинции. – В.А.) особенно демонстративно холодны и даже неприязненны и этим возбудили против себя представителей общественного мнения» (*Мещерский В.П. Письма к великому князю... С. 361–362*).

идти против твоих убеждений и буду всегда помнить то, что ты мне говорил нынешний год перед исповедью»⁶⁹.

Однако летом 1871 г., когда семья цесаревича отправилась на отдых в Эстляндию, Александр II вновь напоминал сыну: «Мне нечего повторять вам и *в особенности тебе*, чтобы при приезде вашем в Гапсаль, где вас верно встретят с прежним радушием, вы были приветливы *со всеми*, зная, как я смотрю на тамошнее дворянство, *всегда верно служившее России*, что наши ультра-патриоты забывают, упрекая им их немецкое происхождение, *которым они вполне вправе гордиться*, как мы нашим. Помни, что с тою репутациею, которую тебе сделали, тебе вдвойне должно быть осторожным и при случае высказываться *в моём смысле*, а не в противном. Зная благородство и прямоту твоих чувств, я уверен, что ты себя покажешь тем, чем ты должен быть»⁷⁰.

Во время Франко-прусской войны 1870–1871 гг. в письмах наследника престола отчётливо выражалась неприязнь к Пруссии и её успехам. Недоволен был цесаревич и явно прогерманской позицией императора, никогда не скрывавшего симпатии к родственному прусскому королевскому (а затем и императорскому) дому. 2 июля 1870 г., за два дня до мобилизации прусской армии, вел. кн. Александр Александрович писал жене в Данию, что «из Парижа последние известия нехороши, и французы, кажется, решительно хотят войны». При этом он открыто выражал надежду на поражение Пруссии. «Я был бы очень рад, и ещё больше буду радоваться, если они поколотят пруссаков. Вообще эта война будет весьма интересная, как на суше, так и на море. Французы уже начали готовить свой флот и вооружают свои броненосные суда. Я жду с большим нетерпением, когда французы объявят войну, и дай им Бог наказать этих проклятых пруссаков и хорошенько их побить. Мы от этого только выиграем, таково моё мнение. Отлично будет, если французы пошлют свой флот в Киль или другой прусский порт, потому что французский флот лучше и больше, чем прусский. Словом, эта война будет самым интересным, что можно наблюдать в настоящее время. Хоть бы нам не пришлось участвовать, а я боюсь, потому что, ты знаешь, у нас симпатизируют пруссакам, которые в один прекрасный день на свой лад изъедают нам свою признательность! Момент чрезвычайно интересный»⁷¹. «Надеюсь, – прибавлял великий князь два дня спустя, – что Дания не упустит случая вернуть свои провинции, но, разумеется, не вмешиваясь в войну. Я уверен, что если французы победят, то это и так можно будет устроить»⁷².

По-видимому, зная о настроениях своего сына, Александр II не разрешил адъютанту цесаревича П.А. Козлову отправиться в качестве наблюдателя во французскую армию⁷³. 30 июля 1870 г., находясь в Дании, цесаревич весьма осторожно излагал отцу свои впечатления и надежды: «Приехавши сюда, я узнал о победе пруссаков и о сильном потрясении французской армии. Дай Бог, чтобы эта победа пруссаков ускорила и упрочила бы мирное состояние Европы. Здесь эта победа сделала сильный поворот; все те, которые желали войны, приутихли совершенно, хотя их было очень мало. До сих пор с кем я ни говорил здесь о политических событиях, все радуются и счастливы, что Дания осталась нейтральною, и что последнее поражение французов образумило всех тех, которые желали войны, и тем избегла Дания неизбежную свою гибель»⁷⁴. Гораздо откровеннее вел. кн. Александр Александрович писал тогда кн. Мещерскому: «Часто я думаю о положении России в скором будущем... Поневоле приходится серьёзно подумать о нашей родине, и до неё скоро доберутся поганные пруссаки, и до сих пор есть люди, которые уверены, что она (Пруссия. – В.А.) наша союзница. Не понимаю решительно образа действий нашего правительства, и что за

⁶⁹ ГА РФ, ф. 678, оп. 1, д. 729, л. 146–147.

⁷⁰ Там же, ф. 677, оп. 1, д. 669, л. 121.

⁷¹ Там же, ф. 642, оп. 1, д. 700, л. 69–69 об.

⁷² Там же, л. 71–71 об. Подлинник на русском и французском языках.

⁷³ Там же, ф. 677, оп. 1, д. 641, л. 21.

⁷⁴ Там же, ф. 678, оп. 1, д. 729, л. 209 об.–210.

ослепление. Да, покажут нам пруссаки, что значит союз и дружба, и увидим мы тогда, что за дураки мы были всё время. Всё им делали угодное, во всём им помогали, тогда когда они нам ровно никогда и никакой услуги не оказали. Здесь решительно никто не может понять нашей дружбы к пруссакам и не верят этому как делу невозможному. Да, грустно, очень грустно видеть, как мы сами готовим для себя неизбежную опасность и заботимся только о том, чтобы по возможности облегчить пруссакам занять наши балтийские провинции, а может быть, и дальше... Но мне не верится, чтобы это был бы конец, а я уверен, что французы ещё дадут себя знать свиньям пруссакам. О! как я был бы счастлив!»⁷⁵.

Подобные настроения наследника престола поддерживал и кн. Н.А. Орлов, занимавший тогда пост посла в Вене. «Я знаю, – писал он в 1870 г., – что прусское влияние неискоренимо при нашем Дворе. Но признаюсь, что надобно быть слепым, чтобы не понять, что если Францию сотрут с политического поприща, то не будет ни политического равновесия, ни мира надёжного в Европе»⁷⁶. «Скажите, как у нас смотрят на всё это?, – вопрошал цесаревича Николай Алексеевич. – Статьи Каткова, по-моему, весьма справедливы. Пруссия будет нам опасным врагом, и пройдут года, пока мы не будем в состоянии с нею бороться»⁷⁷. «О политике нельзя ничего писать по почте, – предупреждал Орлов своего корреспондента 23 сентября 1870 г., – но почти каждую неделю я пишу князю Горчакову. Вам, вероятно, посылают мои письма. Если скрывают, то, вероятно, с целью, чтобы я не развратил Ваши понятия и не отвратил Вас от родственной преданности к дядюшкам»⁷⁸. «Нам не следовало вовсе вмешиваться в войну, – полагал кн. Орлов в октябре 1870 г., – но удерживать Австрию и грозиться на неё, по-моему, не имело смысла. Горчаков это очень хорошо чувствует, но Вы знаете, что пруссаки превозмогли при нашем Дворе. Теперь, поневоле, нам нужен лисий хвост против волчьей пасти». «Простите за откровенность, Вы знаете, сколь я предан Вашему отцу, но русское сердце у меня болит и просто невтерпёж», – сокрушался известный франкофил и полонофил, сожалеющий о судьбе наполеоновской Франции, являвшейся главным гарантом Парижского мира 1856 г.⁷⁹

Неудивительно, что Александр II в 1860–1870-е гг. неоднократно выражал беспокойство в связи с попытками разных лиц оказать влияние на цесаревича или использовать его имя в собственных целях. «Говорили с Папа об уступке Николаевской дороги Главному обществу (российских железных дорог. – В.А.), – записал вел. кн. Александр Александрович в дневнике 13 июня 1868 г., – и по этому поводу напали на разговор о том, что теперь есть люди, которые хотят нас рассорить с Папа, и я ответил на это, что если бы и слышал, но не обратил бы внимания на эту глупость, и я совершенно уверен, что никто и не посмеет мне что-нибудь заговорить об этом. Папа мне ответил на это, что и он с своей стороны не обращает и никогда не будет обращать внимания на подобные вещи, потому что он слишком уверен во мне и хорошо меня знает, и прибавил слова, которые во всю жизнь останутся мне памяты, а именно: “Я скорее усомнюсь в самом себе, чем в тебе”. Вряд ли какой-нибудь отец говорил своему сыну подобные слова, а тем более Государь своему наследнику. Да, эти слова никогда, никогда не выйдут у меня из памяти»⁸⁰.

Но уже летом 1874 г. император вновь вынужден был указать наследнику престола на его неосмотрительность: «К крайнему моему удивлению и, должен сказать, *неудовольствию*, дошло до моего сведения, что в имеющую образоваться в Москве комиссию для сооружения Исторического музея приглашены *твоим именем* по представлению генерал-адъютанта Зелёного состоять членами: князь Черкасский, князь Щербатов,

⁷⁵ Oxford Slavonic Papers. 1962. Vol. 10. P. 117, 118.

⁷⁶ ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 944, л. 155 об.–156.

⁷⁷ Там же, л. 158.

⁷⁸ Там же, д. 945, л. 49–49 об.

⁷⁹ Там же, л. 50–51 об.

⁸⁰ Там же, д. 301, с. 373–374.

Юрий Самарин и бывший голова Лямин. Набор сих лиц, ещё так недавно навлекших на себя моё неудовольствие, что не могло не быть тебе известно, возбудил в Москве большое удивление и весьма неблагоприятные толки!». Кратко описав их проступки, император прямо объяснял причину своего недовольства: «Если подробности эти не все тебе были известны, то генерал-адъютант Зелёный не мог их не знать, и потому *непростительно*, что он осмелился тебе их рекомендовать и выставить тебя как бы *покровителем личностей*, известных всей Москве и всей России *своим противоположительственным направлением*. Надеюсь, что оно послужит тебе уроком впредь быть более осторожным, *не забывая того, что я тебе неоднократно говорил*, зная по своему собственному опыту, что всегда были и найдутся люди, которые стараются сделать из наследника главу враждебной партии царствующему императору. Я слишком знаю благородство твоих чувств и потому уверен, что никакие подобные попытки не могут иметь успеха. Но вот тебе доказательство стремлению воспользоваться твоею неопытностью и выставить тебя как бы покровителем оппозиционной партии. Ты поймёшь, любезный Саша, как оно мне больно и за тебя, и за меня, ибо другие тебя не знают, как я тебя знаю. Надеюсь при этом, что ты всегда будешь достоин прозвания, данного тебе милым нашим Никсою (имеется в виду цесаревич Николай Александрович. – В.А.): *честного человека*». Аминь»⁸¹.

Александр II не раз писал сыну, что имеет в нём «добросовестного помощника»: «милый наш Никса не ошибся, называя тебя *честным человеком*, и я уверен, что ты всегда будешь достоин этого имени»⁸². В 1876 г., во время развернувшегося в стране «славянского движения», император говорил графу И.И. Воронцову-Дашкову (скорее всего, рассчитывая на то, что его слова станут известны в обществе) о полном доверии к сыну. Исключая возможность какой-либо оппозиции со стороны наследника престола, он заявил: «Цесаревич слишком честен для того, и я слишком в нём уверен. Его могут обойти, но прямо против меня восстановиться не могут»⁸³. Не полагаясь на проницательность и такт великого князя (и беспокоясь по этому поводу), Александр II всё же не сомневался в искренности его сыновней, человеческой преданности.

Со своей стороны, вел. кн. Александр Александрович из всех сил стремился оправдать ожидания отца. «Мне часто говорят, что я слишком всё принимаю к сердцу, – писал он матери в 1875 г., – но я думаю, что лучше это, чем полное равнодушие ко всему, вас окружающему. С каждым днём становишься и без того равнодушнее ко всем вопросам и делам – я это вижу и сужу по самому себе, но есть вещи, которые я не переношу хладнокровно – и это всё, что относится до Папа, до тебя, до жены и детей и до дорогой России... Ты знаешь мою любовь и преданность к милому дорогому Папа и знаешь, как я бы хотел ему на деле доказать, что я достоин быть его сыном и наследником»⁸⁴. Восточный кризис середины 1870-х гг. и начавшаяся затем русско-турецкая война предоставили цесаревичу возможность проявить себя в качестве деятельного помощника императора⁸⁵. «Я исключительно служу и буду служить *Папа и Родине*, которым я принадлежу всецело, и которым я готов пожертвовать всем!», – заверял цесаревич императрицу Марию Александровну⁸⁶. Однако желание проявить себя в критическую минуту лишь обостряло его отношения с окружавшими императора сановниками, которые воспринимались как помеха решительным (а на деле зачастую – неловким и необдуманным) действиям. «Просто тошно становится, – писал вел. кн. Александр

⁸¹ ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 669, л. 140–140 об., 141.

⁸² Там же, л. 144.

⁸³ Там же, ф. 583, оп. 1, д. 11, л. 62–64.

⁸⁴ Там же, ф. 641, оп. 1, д. 115, л. 198–198 об.

⁸⁵ Подробное см. об этом: Астанков В.А. Наследник цесаревич Александр Александрович во время Восточного кризиса 1875–1878 годов // Российская история. 2011. № 3. С. 130–131, 133–135.

⁸⁶ ГА РФ, ф. 641, оп. 1, д. 115, л. 267.

Александрович жене осенью 1876 г., – когда подумаешь, до чего мы дошли, и что за мелкие и подленькие личности стоят у нас во главе правительства, и ни одного человека нет в администрации, который был бы хоть чем-нибудь в роде государственного человека; ничего подобного, и это только и заметно в подобных нынешних трудных обстоятельствах, вся эта сволочь чиновники, заботящиеся о своём брюхе и больше ничего, а не министры Российской империи! Нет у папа ни одного человека порядочного, который говорил бы ему правду и был бы правда его помощником, и знал бы, и любил Россию, и был бы истинно русским человеком, служащий своему Государю и отечеству из убеждений, а не как наемник!»⁸⁷.

Стремление цесаревича даже в исключительно сложной обстановке сохранить верность императору и добрые, христианские чувства к отцу проявилось и в его отношении к событиям, связанным с женитьбой Александра II на княжне Е.М. Долгоруковой вскоре после кончины императрицы Марии Александровны. Конечно, вел. кн. Александр Александрович, в принципе готовый к тому, что отец женится на своей давней возлюбленной⁸⁸, тяжело воспринял желание отца навязать свою новую семью всей остальной Императорской фамилии и прежде всего жене и детям наследника престола. К тому же, княгиня Юрьевская стала демонстративно занимать место покойной государыни. Прибыв в Крым 7 октября 1880 г., наследник записал в дневнике: «Отправились в Ливадию в дом Папа, где были встречены в комнатах Мама княжной Долгоруковой с детьми! Просто не верится глазам, и не знаешь, где находишься, в особенности в этой дорогой по воспоминаниям Ливадии! Где на каждом шагу вспоминаешь о дорогой душке Мама! Положительно мысли путались, и находились мы с Минни (вел. кн. Марией Фёдоровной. – В.А.) совершенно во сне»⁸⁹. «Вообще всё наше пребывание в Ливадии нельзя назвать весёлым и приятным; – отмечал вел. кн. Александр Александрович, – были тяжёлые минуты, были разные столкновения, недоразумения и щекотливые объяснения, но в конце концов устроились наилучшим образом, и надеюсь, что теперь больше не будет никаких недоразумений, и что всё пойдёт, как следует»⁹⁰.

Современники и очевидцы «столкновений и недоразумений», происходивших в Ливадии осенью 1880 г., были склонны сгущать краски. «Положение дел критическое, – утверждал А.А. Половцов в дневнике 18 ноября 1880 г., – я разумею, дел семейных, которых нельзя отделять от государственных. Цесаревич и цесаревна приехали в Ливадию, имея от Государя обещание, что княжна Долгорукова будет по-прежнему жить в своём доме, вместо того они застали её в комнатах императрицы, в её спальню комнате, в её постели. Государь с ними и со всеми приближёнными говорит о своей женитьбе как о всем известном факте, разъезжает с княгиней Юрьевской, но при этом, делая визиты княгине Воронцовой, никогда не заикнулся ни о своей женитьбе, ни о своей жене, вероятно опасаясь какой-нибудь выходки со стороны невозддержанной на язык Марии Васильевны. Были такие случаи, что, смотря с умилением на кресло покойной государыни и указывая на него, он вспоминал о покойной, а в это время на кресле покоился мопс княжны Долгоруковой. Однажды, встретив на прогулке цесаревича и цесаревну, он пригласил их гулять вместе и незаметно привёл их в домик княжны Долгоруковой, где они застали её вдвоём с Лорис-Меликовым. Показывая цесаревичу и цесаревне этот дом, слабоумный Александр Николаевич остановился пред кроватью княжны и сентиментально сказал: “Voici le lit sur lequel est ne’Gogo” (“Вот кровать, на которой родился Гого” (фр.). – В.А.) т.е. старший из его побочных детей»⁹¹.

⁸⁷ Там же, ф. 642, оп. 1, д. 705, л. 20–20об.

⁸⁸ После того, как Александр II сообщил сыну и невестке о состоявшейся свадьбе, цесаревич отметил в дневнике: «Я был почти уверен, что так и должно было кончиться» (Там же, ф. 677, оп. 1, д. 308, с. 83).

⁸⁹ Там же, с. 103.

⁹⁰ Там же, с. 104.

⁹¹ Там же, ф. 583, оп. 1, д. 18, с. 65–66.

Тем не менее вел. кн. Александр Александрович не выражал императору своё недовольство, стараясь не усугублять конфликт. «Я видел безукоризненное до конца исполнение сыновнего долга, – вспоминал о пребывании в 1880 г. в Ливадии граф С.Д. Шереметев, – и присутствовал при внутренней драме, преклоняясь пред величием духа и силою воли того, кому суждено было на следующий год “прियाсть венец и бармы Мономаха”!»⁹². Вел. кн. Мария Фёдоровна «только удивлялась терпению и спокойствию цесаревича»⁹³. «Про наше житьё в Крыму лучше и не вспоминать, так оно было грустно и тяжело!», – писал наследник престола братьям Сергею и Павлу Александровичам по возвращении в Петербург в декабре 1880 г. Впрочем, он тут же убеждал братьев, а возможно, и самого себя, «что против совершившегося факта идти нельзя и ничего не поможет»: «Нам остаётся одно: покориться и исполнять желания и волю Папа, и Бог поможет нам всем справиться с новыми тяжёлыми и грустными обстоятельствами»⁹⁴. «Как жаль бедного Папа во всём этом, ты себе представить не можешь, – признавался цесаревич в письме к вел. кн. Сергею Александровичу менее чем за месяц до трагедии 1 марта, – и как надо быть осторожным, чтобы нехотя его не обидеть, потому что он обращает внимание на самые мелочи, на которые прежде и не думал обращать внимания»⁹⁵.

Александр II, сообщая великим князьям Сергею и Павлу Александровичам о своём браке, подчёркивал в письме, что «первый, которому я об этом объявил, был Саша, и я ставлю вам его в пример всем, как должен вести себя добрый сын и первый подданный своего Государя»⁹⁶. Трудно сказать, не было ли это со стороны императора своего рода самоуспокоением, но по-видимому наследнику действительно удавалось сдерживать своё раздражение. Однако неизвестно, как долго это могло продолжаться. Уже в начале января 1881 г. А.А. Половцов, находившийся в Киеве, но бывший, как всегда, в курсе околорядовых настроений и слухов, писал, что «бедный цесаревич всё более и более одинок»: «Его нравственное состояние, как честнейшего человека, ужасно, положение его даже опасно. Мы видели много примеров в русской истории тому, как самодержавные государи поступали с наследниками своего престола»⁹⁷. Сам цесаревич в сердцах отмечал в дневнике: «Я стараюсь, сколько могу, успокаивать всех, но признаюсь, что самому иногда невтерпёж, потому что положительно заходит иногда слишком далеко и, конечно, шокирует всех»⁹⁸.

На этом фоне весьма примечательно единодушие Александра II и вел. кн. Александра Александровича в делах внутренней политики. 8 февраля 1880 г., вскоре после взрыва в Зимнем дворце, на совещании у императора цесаревич (видимо, под влиянием записки, полученной им от Н.М. Баранова), по словам гр. Валуева, «предлагал невозможную верховную следственную комиссию с диктаторскими, на всю Россию распространёнными компетенциями». Император отклонил это предложение⁹⁹. Вечером того же дня цесаревич отправил отцу эмоциональное письмо: «Милый Па, посылаю тебе статью из “Московских ведомостей”, которую я получил сегодня вечером, и из которой ты увидишь, что не один я поддерживаю мысль о сосредоточении в одних руках правительственной, диктаторской власти. Тоже беру на себя смелость представить тебе письмо, полученное мною от бывшего флигель-адъютанта Баранова. У всех та же мысль, и другого исхода нет. Ты сегодня приказал всем присутствовавшим сообразить и представить свои соображения. Смело могу сказать, что они ничего не сообразят и ничего путного не представят. К сожалению, мы это видим за все последние годы,

⁹² РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5253, л. 7.

⁹³ Там же, л. 15.

⁹⁴ Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 3: 1880–1884. М., 2009. С. 245–246.

⁹⁵ Там же. С. 246–247.

⁹⁶ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 2743, л. 55 об.

⁹⁷ Там же, ф. 583, оп. 1, д. 18, с. 138.

⁹⁸ Там же, ф. 677, оп. 1, д. 308, с. 108.

⁹⁹ Валуев П.А. Дневник. 1877–1884. Пг., 1919. С. 59.

потому что зло всё больше и сильнее распространяется повсюду, и никакие меры, ими предложенные, не принесли пользы. Прости мне, милый Па, что я так смело и резко пишу тебе, но у меня душа слишком наболела и сил нет удержаться не говорить тебе совершенно откровенно. Нужны *новые люди, свежие силы*, а с этими мы далеко не уйдём! Время слишком серьёзное, слишком страшное, чтобы не принимать *самых энергичных мер*, а не то будет поздно, и правительству уже не справиться с крамолой! Убедительно прошу тебя, милый Па, подумай об этом, и я уверен, что ты согласишься окончательно на это предложение. Я так уверен, что другого *исхода нет и быть не может*. Прости ещё раз, милый Па, меня за эти строки, но они исходят из глубины моей души, преданной тебе и России, ты это знаешь и не раз мне высказывал»¹⁰⁰. По свидетельству гр. Валуева, сославшегося на слова гр. А.В. Адлерберга, именно под влиянием этого письма Александр II 9 февраля к немалому изумлению многих саванников изменил своё решение и объявил о создании Верховной распорядительной комиссии¹⁰¹.

Деятельность М.Т. Лорис-Меликова, возглавившего Верховную распорядительную комиссию, только способствовала согласию между цесаревичем и императором. Назначение Лорис-Меликова вел. кн. Александр Александрович воспринял с большой надеждой. «Сегодня вступил в новую должность граф Лорис-Меликов; дай, Боже, ему успеха, укрепи и настави его!» – записал он в дневнике¹⁰². «Слава Богу, что уцелел этот человек, который так нужен теперь бедной России!», – восклицал наследник престола, узнав о покушении на Михаила Тариэловича¹⁰³. С этого времени Лорис-Меликов регулярно посещал Аничков дворец, чтобы час-другой «потолковать» с цесаревичем; у них завязалась оживлённая переписка. «С самых первых дней, – говорил А.А. Половцову гр. И.И. Воронцов-Дашков, – Меликов сказал Государю следующее: “Ваше Императорское Величество имеете, к счастью, в цесаревиче такого честного человека, что его следует привлечь ко всему, что будет делаться; такого рода единство может только усилить правительство, отнимая у многих недоброжелателей возможность пытаться интриговать”. Государь апробовал (так в подлиннике, имеется в виду «апробировал», т.е. одобрил. – В.А.) эту мысль, и с тех пор Меликов самым открытым образом ничего не делает без сообщения цесаревичу»¹⁰⁴. А.Н. Куломзин, в то время товарищ министра государственных имуществ, сообщал в августе 1880 г. своему начальнику, кн. А.А. Ливену, что «вообще Лорис-Меликов прилагает все усилия к тому, чтобы установить хорошие отношения между Государем и наследником, и по тому поводу пользуется милостью и вниманием наследника»¹⁰⁵.

Сам Лорис-Меликов 9 апреля 1880 г., посылая цесаревичу для предварительного ознакомления подготовленный в тайне от министров всеподданнейший доклад с анализом положения России, писал: «С первого дня назначения моего на должность главного начальника Верховной распорядительной комиссии я дал себе обет действовать не иначе, как в одинаковом с Вашим Высочеством направлении, находя, что от этого зависит успех порученного мне дела и успокоения отечества»¹⁰⁶. Цесаревич же на протяжении 1880 г. вполне одобрял политические начинания графа. Так, он поддержал его апрельский доклад, рекомендуя «смело и настойчиво» осуществлять намеченную в нём программу «на счастье дорогой родины и на несчастье господ министров»¹⁰⁷.

¹⁰⁰ ГА РФ, ф. 678, оп. 1, д. 732, л. 131–132 об.

¹⁰¹ Валуев П.А. Указ. соч. С. 60.

¹⁰² Дневник наследника цесаревича великого князя Александра Александровича. 1880 г. // Российский архив. Вып. VI. М., 1995. С. 352.

¹⁰³ Там же. С. 354.

¹⁰⁴ ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 15, с. 248–249.

¹⁰⁵ ОР РГБ, ф. 178, карт. 9803, д. 5, с. 25.

¹⁰⁶ Переписка Александра III с графом М.Т. Лорис-Меликовым // Красный архив. 1925. Т. 1(8). С. 106–107.

¹⁰⁷ Там же. С. 108.

С воодушевлением вел. кн. Александр Александрович воспринял и известие о ликвидации III Отделения собственной е.и.в. канцелярии и назначении Лорис-Меликова министром внутренних дел. «Это великолепный шаг и давно все его ждали», – отметил он в дневнике¹⁰⁸. Граф С.Д. Шереметев констатировал, что «цесаревич доволен, потому что давно хлопотал об уничтожении Третьего отделения в настоящем его виде»¹⁰⁹. Полностью сочувствовал наследник престола и сенаторским ревизиям, начатым в ряде губерний по инициативе министра внутренних дел. «Вот это прекрасно; это значит управлять», – заявил он во время соответствующего доклада Лорис-Меликова у императора¹¹⁰.

П.А. Зайончковский полагал, что с осени 1880 г. в отношениях вел. кн. Александра Александровича и Лорис-Меликова началось охлаждение, объяснявшееся как влиянием Победоносцева, так и желанием графа снискать расположение морганатической супруги Александра II кн. Е.М. Юрьевской¹¹¹. Куломзин утверждал в воспоминаниях, что «Лорис в хлопотах о примирении сына и отца склонил наследника последовать призыву Александра II приехать на осень в Ливадию, причём Лорис удостоверил, будто Юрьевская продолжает как и ранее жить на своей даче между Ливадиєю и Ялтой, а покои покойной императрицы Марии Александровны остаются незанятыми. На деле оказалось обратное, и ложь Лориса обнаружилась»¹¹². Однако трудно указать какие-либо факты, свидетельствующие об отдалении вел. кн. Александра Александровича от министра внутренних дел. Напротив, в январе 1881 г. Победоносцев писал Е.Ф. Тютчевой, что Лорис-Меликов «удивительно быстро создал себе две опоры и в Зимнем дворце, и в Аничковом»: «Для Государя он стал необходимостью, ширмой безопасности. Наследнику облегчил подступы к Государю и представил готовые ответы на всякое недоумение, ариаднину нить из всякого лабиринта»¹¹³. Между тем в дневнике и немногих письмах наследника с осени 1880 г. практически пропадают всякие упоминания о вопросах внутренней политики, поскольку его занимали теперь исключительно дела семейные. К началу 1881 г. он и вовсе прекратил вести дневник.

В целом при рассмотрении взаимоотношений вел. кн. Александра Александровича с Александром II исследователям необходимо отказаться от однозначных и односторонних оценок. Безусловно, полной идиллии в них не было, но не было и никакой «вражды» или «оппозиции» со стороны наследника престола. Скорее следует говорить о некоей психологической несовместимости, сочетавшейся с различным пониманием как политических вопросов, так и жизни вообще. «Меня поражало это различие между сыном и отцом: другие приёмы, другие речи, другое воспитание», – вспоминал гр. С.Д. Шереметев¹¹⁴. Впрочем, эта разница, бросавшаяся в глаза современникам, как в личных отношениях, так и в государственных делах, не мешала и императору, и цесаревичу сходитья как в преданности России и своему долгу, так и в чувстве взаимной любви и уважения.

¹⁰⁸ ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 308, с. 79.

¹⁰⁹ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5253, л. 3 об.

¹¹⁰ ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 15, с. 255–256.

¹¹¹ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964. С. 233.

¹¹² ОР РГБ, ф. 178, карт. 9803, д. 6, с. 37.

¹¹³ Цит. по: Зайончковский П.А. Кризис самодержавия... С. 233.

¹¹⁴ Мемуары графа С.Д. Шереметева. С. 434.